



Юрий Коваль

Ку-Кла-Кэт

(Самый первый черновик сценария и книги)

Созвездие Черного Кота

Когда-то, не так уж давным-давно, в одном вольном городе жил Вольный Кот.

Все жители этого города считали себя людьми вольными и очень гордились этим. Но вся эта их гордость была, конечно, полная ерунда. Человек всегда к чему-нибудь привязан — кто к дому, кто к сыну, а кто и к своей кровати.

У Вольного Кота ничего этого не было, а спал он в городском саду на ветке яблони, а то и в водосточной трубе, если, конечно, не было дождя. Но и дождей в этом счастливом городе никогда не было, даже непонятно, для чего завели здесь водосточные трубы.

Итак, у Кота не было ничего, но, что особенно важно, у него не было самого главного — у него не было хозяина.

Многие девочки и бабушки, даже отставные пираты и парикмахеры приманивали Кота, очень уж он им нравился. Он съедал, конечно, только, вылизывал сметану, давал себя погладить и плавно, мягко, незаметно и ненавязчиво ускользал куда-то, куда хотел.

Вольный был Кот, совершенно вольный. Но это не значит, что это был дикий кот, неотесанный. Ничего подобного. Это был Кот с внутренней культурой, причем такой глубокой, как будто он воспитывался в Сорбонне или в пажеском корпусе времен императора Александра III. Иногда он был похож даже на какого-то важного господина в черном фраке с орденным Андреем Первозванным на груди. Да, да! У Кота на груди был такой "орден" сложнейшего цвета, похожий на многоконечную звезду, и звезда эта подчеркивала, что наш герой имеет отношение к тем звездам, что вечно горят над нами.

О, Орион!
О, Волопас и Возничий!
О, Медведица, как Большая, так и Малая!

Известно ли вам, что существует и созвездие Черного Кота?! Ась? Оно, конечно, неизвестно ни одному астроному или пиастрофобу, но оно известно мне. Да, да! Я, автор этих строк, давным-давно открыл это созвездие при помощи простейшего театрального бинокля. И наш Вольный Кот прекрасно знал это созвездие и ночами, особенно мартовскими, орал и пел, глядя на небо и на это созвездие. Ха-ха! Я уж скажу вам попросту, душевно, почему вы не видите это созвездие. Очень даже просто — оно состоит из черных дыр. Ясно? Ах, вы не знаете, что такое черные дыры, ну тогда я просто вернусь к своему повествованию. Итак... о, Господи, опять "итак". Эти "итак" надоели мне, как ночные бабочки надоедали Вольному Коту, спавшему в ту ночь на ветке яблони в городском саду.

Взошло солнце. Кот приоткрыл свой глаз. И если бы мы умели правильно видеть, и могли бы совсем приблизиться к котовьему глазу, то мы бы поняли, что и он напоминает солнце, только сложнейшее, изрезанное лучами всех цветов радуги, но более всего лучей было золотых и зеленых.

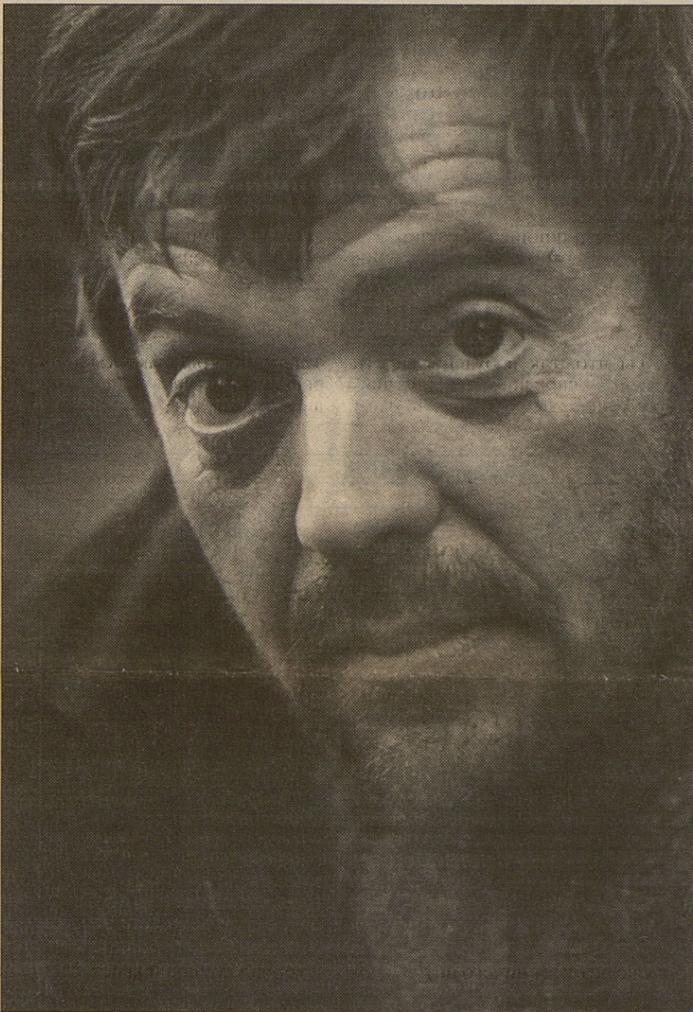
Кот открыл и второе свое солнце и двинулся по ветке к стволу яблони. Но это я просто так написал "по ветке к стволу". Это была самая кривая ветка в мире, и самый кривой ствол в мире, и вообще это была не яблоня, а целый мир каких-то изгибов, кривулин, поворотов, и только розовые от утреннего солнца цветы намекали, что это все-таки яблоня, которая как раз зацвела.

И среди этих цветов вдруг внезапно раздалась утренняя песня.

И Вольный Кот замер. Он сразу понял, кто это поет. Он припал к стволу и прищурил свои

Юрий Коваль. Он был писателем, художником, поэтом. Белла Ахмадулина написала про него однажды: "Вот где обитает волшебство, вот счастливый способ не путешествовать по насильной указке путеводителя или по указанию какого-нибудь предводителя, а вольно шествовать по морям и островам — пути свободного воображения автора, и смеяться от радости".

В этом году Юрию Ковалю исполнилось бы 60. Журнал "Киносценарии" публикует в четвертом номере его последнюю книгу "Ку-Кла-Кэт" — незавершенную. И любезно предоставил "ЭС" главы из нее. Прочтите и у вас появятся новые друзья.



глаза так, что только лишь один лучик, фонарик, свечечка указывали ему дорогу в теневой кроне яблони.

А это пела горихвостка.

Вы, конечно, знаете эту прекрасную птицу с горящим хвостом.

Ну, вспомните: хвост у нее горит только в полете. Когда она взлетает — вдруг вспыхивает хвост. И ребяташки всегда бегут за нею и кричат:

— У тебя хвост горит! Хвост горит!

И Вольный Кот дополз. Еще момент, и он бы прыгнул, и тут уж мне ничего не оставалось делать, как запустить в горихвостку, угадайте чем. Ха! Да у меня ничего не было под рукой. Я снял с носа очки и метнул их в яблоню, как какой-то бешеный дискобол.

Очки, конечно, просвистели в небе мелодию идиотизма и рухнули в траву. Но горихвостка улетела, а ребяташек никаких вокруг не было. И тогда я немного похромал за ней и прокричал, что полагається:

— У тебя хвост горит! Хвост горит!

Вольный Кот был очень и очень мною недоволен. Но все-таки мы были старые знакомые, и он понимал мою любовь к горихвостке, и еще он понимал, что очков мне в траве никогда в жизни уже не найти.

Он спрыгнул с яблони, пошарил в траве и нашел.

И принес их мне. Очки, к счастью, не разбились.

Я вам скажу, что благородство украшает не только рыцарей

ты на свете и усы, закрученные, как самая дурацкая диванная пружина.

— А ты кто такой? — спросил меня вдруг Карабас.

— Вы же сами сказали, что я — морж. Это, наверно, правильно. Но я не простой морж, я тот самый "Морж, который всюду успевает". Вы еще не раз убедитесь в этом. А так-то по профессии я — сказочник, пишу книжки для детей, подписываю и в газетчики.

— Ну так напиши, что в ваш город приехал самый великий цирк в мире. Лови!

И он кинул мне золотую монету, которую я, как ни странно, поймал.

Господин Балконский

Вольный же наш Кот пока что этих трех домиков не видел.

Дело в том, что он уже начал свой утренний обход. Да, да, да!

Каждое утро он обходил наш город. И маршрут его был хоть и однообразным, но чрезвычайно интересным. Я бы назвал это настоящим котопутешествием.

И путешествие это было многоэтажным, как бывают же в мире многоэтажные дома. Начиналось оно, конечно, с земли.

С ухоженного паркового газона или, попросту сказать, с травы он переходил на мостовую, и в каждом из полированных бульжников этой мостовой отражался орден-звезда, который горел на груди путешественника.

И как только кончился бульжник — тут же был первый этаж, и окочечко, и в нем бабуся Натуся, и она тут же доставала блюдечко и выносила его на крыльцо, и говорила:

— Добро пожаловать, господин Шатало.

И пока наш господин лизал сметану, она гладила его, приговаривая:

— Он снимает все мои стрессы. Ах, ах, у меня очень много стрессов, они сотрясают все мое тело. Ах, господин Шатало, заходите почаще.

А это, конечно, были не "стрессы", а самая настоящая старость, прожитые годы сотрясали нашу бабуся, и что снимал с нее господин, как выяснилось, Шатало — никому неизвестно.

От бабуся Вольный Кот перебирался на ее же балкончик, потом на крышу ее домика, потом на другой балкончик, весь заросший цветами, всякими там календулами, фазендулами, баркаралами и ноготками. И господин Вольный Кот по прозвищу Шатало нюхал все эти календулы, и наслаждался цветом и запахом, и пощипывал порой дурацкую травку, выросшую случайно среди великолепных цветов.

Нельзя сказать, что он просто пришел сюда поесть травы. Ничего подобного. Он пришел сюда наслаждаться цветением, а травку выщипывал, как прилежный садовод пропалывает свой огород с морковью.

— Доброе утро, господин Шатало, — слышался тут странный голос, напоминающий звучание музыкального инструмента — гелликона, и на балкон вываливался отставной пират в тельняшке с черной повязкой на глазу — Билли Бонс.

— Хороший ты кот, — говорил Билли, — молодец. А хочешь — жи-

ви у меня, места тут хватит, пожрать, в случае чего, найдем. Короче, на сметану хватит. Ну, колбаски там, сосисок там, грудинки там...

Но Вольный Кот уже недослушивал до "ветчинки там" и "отварного там язычка" — он перепрыгивал на другой балкон, потом повыше, потом прохаживался по крыше шестизэтажного дома, потом шестнадцатизэтажного, и там, на самом шестнадцатом этаже, слегка поохотившись за глупыми голубями и воробьями, а после спрыгивал на новый балкон и немного жалобно мяукал возле балконной двери. Открывалась дверь, и бледная, бледная, какая-то шестнадцатизэтажная асфальтовая девочка Соня гладила кота и кормила его специальной кошачьей консервой. Соня брала его на руки, прижимала к себе и говорили:

— Не понимаю, почему тебя называют "Шатало". Ты же настоящий дворянский кот. Вот даже и звезда у тебя на груди похожа на орден Андрея Первозванного. Я бы назвала тебя господин Балконский. Ты ведь любишь балконы, я это давно заметила.

И Вольный Кот мурлыкал у нее на груди и жмурился и шурлился и как бы говорил:

— Да, я действительно сильно дворянский кот и господин Балконский.

Но сегодня он вдруг перестал жмуриться и шурлиться и прямо отсюда, с шестнадцатого этажа, глянул вниз на землю.

У-у-у-у! Как высоко!

Но дело было совершенно не в этом. Дело было в том, что там, далеко внизу, под кривой яблоней в городском саду, стояли три совершенно непонятных домика на колесах, какие-то лошади и еще что-то.

И господин Балконский вдруг резко спрыгнул и помчался вниз, на другую крышу. Соня вскрикнула:

— Ой! Постой!

Но Кот так спешил вниз, что даже не зашел на этот раз к господину парикмахеру по имени Кремдлярук. А напрасно: Кремдлярук покрикивал свое "кис-кис-кис", помахивая сарделькой.

Кот направлялся обратно в городской сад, под яблоню. Он считал себя хозяином яблони и говорил про себя:

— Нет, я не допущу, чтоб какие-то лошади, какие-то домики...

Чего именно он не допустит, он как-то пока не понимал, но твердо решил "не допускать", и продолжал свой многоэтажный бег. И примчался в городской сад — прямо к домику, расписанному Анри Матиссом.

И тут навстречу ему из домика вышла Нефертити.

Она бросила на кота только один взгляд — и все!

Он погиб. Он влюбился на всю свою жизнь.

Такой белой кошки с черной звездой на груди он не видел никогда в жизни.

Еще одни глаза

Я, конечно, должен повсюду успевать, но тут, поверьте, мне и успевать было некуда. Я оставался по-прежнему в городском саду. Просто сидел на лавочке, поджидая приятеля. Я чувствовал, что главные события сегодня развернутся вокруг этих домиков — все-таки новинка для нашего города. Значит, сиди и жди новостей здесь.

Кроме того, я давным-давно знал, что пока с востока идет по городу наш Вольный Кот, навстречу ему, с запада, идет человек. Вольный Человек. По-настоящему вольный, а не на словах. У него тоже не было никаких хозяев или, скажем, хозяек; был у него только дом, но об этом доме речь впереди, а сейчас речь об этом человеке и даже о его походке.

У него была походка пантеры: мягкая и неслышная нога его наступала на трескучую бумажку, а бумажка не трещала. Под всеми ногами трещала, а под его клоунским ботинком никак не трещала. Зато потом, на гладком асфальте, у всех прохожих ботинки не трещали, у него же внезапно начинали трещать. Черт знает что! Я нико-

Экран и сцена

